

Типы недавняго прошлаго.

(Батюшка о. Алексѣй Петровичъ.)

Вотъ онъ, какъ живой стоитъ передъ глазами, хотя уже около восьми лѣтъ, какъ нѣтъ его на свѣтѣ. Высокаго роста, съ широкою, густою бородою, съ быстрымъ, живымъ взлядомъ, онъ производилъ впечатлѣнiе истиннаго пастыря, полнаго достоинства. Видъ имѣлъ внушительный, строгій, отчасти даже суровый. Всѣ прихожане боялись его, но любили и уважали. Его слово было закономъ для прихода: что сказалъ батюшка — значить свято, такъ и быть тому. Служилъ истово, благолѣпно, проповѣди читалъ хотя и по книжкѣ, но съ большимъ чувствомъ и производилъ всегда сильное впечатлѣнiе.

Съ прихожанами былъ строгъ, временами даже черезчуръ строгъ, но въ то доброе старое время прихожане не обижались на это. Даже напротивъ: у всѣхъ было убѣжденiе, что батюшка и долженъ быть именно таковъ. Да и привыкли всѣ къ нему. Въдь онъ прожилъ въ одномъ приходѣ пятьдесятъ лѣтъ! Прожилъ полвѣка въ одномъ селѣ—это имѣеть громадное значенiе и рисуетъ личность священника съ наилучшй стороны. Онъ поистинѣ является отцомъ своего прихода, патриархомъ, въ нѣкоторомъ родѣ.

Мы, мальчишки (я начинаю его помнить, какъ началъ учиться въ сельской школѣ), боялись его ужасно. Когда его ждали въ

школу, стоило только сказать комунибудь: „батюшка идет!“ — моментально всё затихнуть, самые отчаянные шалуны и тѣ мигомъ присмирѣють. И не потому боялись его, что онъ наказывалъ или кричалъ, нѣтъ: видъ ужь у него былъ такой строгій и внушительный.

Вотъ входитъ онъ въ классъ съ длиннымъ посохомъ, въ высокой стеганой камилавкѣ домашней работы. Какъ только вошелъ, снялъ камилавку, учитель запѣваетъ „Царю Небесный.“ Мы всё подхватываемъ. Начинается урокъ закона Божія. Въ классѣ тихо—тихо, слышно даже какъ тяжело дышитъ тотъ, кого батюшка вызвалъ отвѣчать урокъ.

Отворяется дверь и входятъ мужики. Это свадебные дружки и, какъ полагается, съ кнутами за поясомъ и выпивши изрядно

— Мы, батюшка, къ вашему благословенію...

— Что скажете? строго глядя изъ подъ нависшихъ бровей спросить батюшка.

— Такъ что насчетъ вѣнчанья: поѣздъ пріѣхалъ.

— Уходите. Сказано, что когда я въ школѣ, чтобъ меня не беспокоили. Ждите въ сторожкѣ.

— Мы, батюшка, тово...

— Я вотъ вамъ дамъ тово! Уходите, говорить вамъ!

Мужички быстро юркнуть за дверь

Или войдетъ кумъ — пришли съ крестинами.

— Младенца произвести бы въ крещеную вѣру. Слабъ очень, боимся, кабы не умеръ.

— А... слабъ, говоришь. А когда родился?

— Да третьяго дня еще.

— Вотъ вѣдь нечутевый народъ! Вретъ вѣдь, по глазамъ видно, что вретъ. Третій день младенцу, слабъ, а крестить несутъ только нынче. Уходи, нечутый...

Кончить урокъ и идетъ прямо въ церковь отправлять требы. Если пріѣдутъ за нимъ напутствовать больного, тотчасъ же оставляетъ урокъ и ѣдетъ.

Отъ вѣка батюшка не отставалъ. Выписывалъ много журна-

ловъ и газетъ. Интересовался болѣе всего политикой. Зналъ прекрасно по газетнымъ свѣдѣніямъ, что сказалъ на послѣднемъ засѣданіи парламента Гладстонъ, какіе „подвохи“ противъ Россіи затѣваетъ Бисмаркъ, какими нотами обмѣнялись державы и проч...

— Читали, что болгары то дѣлають? скажетъ батюшка, прощаясь съ учителемъ и надѣвая свою оригинальную „камилавку“. — Бунтуются опять. Вотъ безпокойный народецъ то! Недавно турки ихъ рѣжутъ, какъ барановъ. Опять, навѣрно, война будетъ, все англичане подзуживаютъ...

Батюшка любилъ заниматься физическимъ трудомъ. Его часто можно было видѣть, какъ онъ въ теплое время года безъ подрясника, въ стеганомъ жилетѣ (у него все платье, исключая, конечно, бѣлья, было стеганое на ватѣ, даже и сапоги были такіе же) укладываетъ въ полѣнницы или колетъ дрова. Самое же любимое физическое занятіе его было садоводство. Своими собственными руками онъ насадилъ небольшой, но очень приличный садикъ, въ которомъ и теперь еще, хотя плохо уже, родятся яблоки, вишни, крыжевникъ. Въ этомъ садикѣ, который находится почти въ срединѣ села, недалеко отъ церкви, батюшка лѣтъ за десять до своей смерти соорудилъ себѣ и домъ. Да какой домъ то! Съ балконами, съ антресолями и прочими причудами. Батюшкинъ домъ — краса всему нашему селу, которое, кстати сказать, очень велико, но очень непритяжно. Такой бѣленькій, чистенькій домикъ, весь утопаетъ въ зелени. Вилла да и только!

Ни на пароходѣ, ни по желѣзной дорогѣ батюшка ни разу въ жизни не ѣздилъ. У него было какое то не то предубѣжденіе, но то боязнь къ этимъ способамъ передвиженія. По желѣзной дорогѣ, правда, ему и ѣздить не было надобности (онъ далеко никуда не ѣздилъ), но въ Самару во время навигаціи изъ нашего села обычно ѣдутъ на Ставрополь, а отсюда на пароходѣ.

— Нѣтъ ужъ, увольте, говорилъ бывало батюшка, когда ему предлагали прокатиться на пароходѣ. — Добѣду на лошадакъ, разлюбезное дѣло. На пароходъ вашъ меня не заманите: жизньъ еще не надоѣла.

Сядеть въ допотопный тарантасъ, обложится одъялами, подушками, мѣшечками, кулечками и трясется девяносто вереть до Самары. Положимъ, и ѣздилъ то одинъ разъ въ годъ. Жилъ онъ вообще замкнуто: рѣдко куда выѣзжалъ, рѣдко и у него бывали гости, хотя онъ и имѣлъ многочисленную родню.

Хорошій, симпатичный старикъ былъ нашъ батюшка! Всѣ, кто только зналъ его, уважали его и отзывались о немъ съ наилучшей стороны.

Съ его именемъ у меня до сихъ поръ связано представление о настоящемъ „батюшкѣ“. И теперь, когда я слышу разговоръ о незнакомомъ священникѣ, о которомъ говорятъ, что онъ и важень, и представителень, и по внутреннимъ качествамъ заслуживаетъ вполне названія „батюшки“, — въ головѣ моей сейчасъ же возникаетъ образъ нашего покойнаго Сухо-Авралинскаго батюшки о. Алексѣя Петровича.

Священникъ *Симеонъ Васильевъ*.